

образом, в связь с мутацией «предвозрожденческого» мышления от поля (песчинка дозволенного) ко всему (Монблан незамечаемых запретов). Алхимический рецепт в этих исторических мутациях играет катализирующую роль.

Рецептурность средневекового мышления — универсальный, всепроникающий феномен, описывающий многообразные сферы средневековой жизни и оставляющий свободным от рецептурной регламентации разве что мир мистических озарений.

Средневековый рецепт рассказывает о том, как сделать вещь. При этом вещь понимается в предельно широком смысле: изделие, фрагмент жизненного поведения; жизнь как человеческое самоосуществление; мир как изделие. Однако сделать вещь — это рассказать о том, как ее сделать. Облечь способ воспроизведения вещи в слове. Иначе: слить в недробимое единство слово и действие; событие и слово об этом событии, ибо событие, не ставшее словом, бессмысленно. Священство рецептурных действий — свидетельство о боге, живущем в рецепте не телесно — словесно. Вещь вещает о боге (Ахутин, 1976, с. 119). Рецепт не только о построении вещи, но и о ее понимании, о ее божественном замысле. Создать вещь означает воспроизвести творческое слово об этой вещи. Действие и молитва вкупе составляют средневековый рецепт. Вещь как результат рецепта не только сумма предписывающих приемов, но и акт творения в слове, который выше всех предписаний. Священная тайна мастера. В результате — шедевр, свидетельствующий о мастере и его мастерстве, а вовсе не о материальных основаниях вещи. Чистый творческий акт. Напротив, вещественная протяженность материала, далекого от шедевра, лишь материально содержит вещь, потому что не озарена овеществляющим словом мастера.

Стало быть, средневековый рецепт как особая форма деятельности средневекового человека — не просто сумма предписаний для последующей исполнительской деятельности, но такая форма деятельности, в которой словесно-заклинательно предвосхищается, осуществляется сама эта деятельность. Мнемонически закрепляется в эмоционально напряженной форме, приводя в священный трепет мастера, подвигая его к священной жертвенности во имя шедевра — венца ремесленных процедур. Вне этого нет средневекового умения — средневекового мастерского ремесла — искусства; молитвенного ремесла. Алхимический рецепт — средневековый рецепт. И все же иной. Алхимическое слово гетерогенно. Это слово-миф, слово-космос, слово-вещь. Творчески: в месте и слитно. Именно потому алхимическое слово вступает в спор с традиционной теологической доктриной. В алхимическом рецепте осуществляется общение с реальным предметом — будь то конкретное вещество или реторта для «физико-химических» вторжений в тайные потемки этого вещества. Общение... Но не только с реальным предметом. С алхимическим небом тоже — с возможностями и силами, живущими и действующими в мифотворческой картине алхимического мира. Мировоззренческий синтез алхимика, воплотившего в рецепте также и ре-